

**М. М. БАХТИН И Г. О. ВИНОКУР:
ДВА ПОДХОДА К НАУЧНОЙ ПОЭТИКЕ**

МАРК СОКОЛЯНСКИЙ

История российского литературоведения в приближающемся к своему финишу двадцатом столетии отмечена (по крайней мере, в вышших своих точках) устремленностью к системности и научности. Исследовательские принципы, завещанные в конце XIX века корифеями науки о литературе – прежде всего Александром Потебней и Александром Веселовским – несмотря на их серьезные отличия друг от друга, задали дальнейшему этапу развития весьма определенную тенденцию, связанную с отмежеванием, по словам Ю. Н. Тынянова, от “превращения науки о литературе и языке из науки системной в жанры эпизодические и анекдотические” (1977: 282).

Многие методологические завоевания русских литературоведческих школ и отдельных крупных теоретиков литературы пришли в западную науку и были усвоены либо учтены ею – по вполне очевидным историческим причинам – с огорчительно большим опозданием. Достаточно, например, вспомнить о возникшем не столь давно и не затухающем до сих пор интересе к наследию М. М. Бахтина или к трудам представителей русской формальной школы.

Спустя несколько десятилетий со времен зарождения и раннего этапа развития этих двух своеобразных тенденций в филологической науке появились разные точки зрения на их соотношение. Так, в западном литературоведении можно встретить и упоминания об их существенной близости, а также о том, что “Бахтинский кружок” пребывал под сильным воздействием формальной школы (Steiner

1984: 280), и более того – что деятельность этого кружка явилась “логическим развитием формалистской мысли” (Morson 1978: 408).

Возможно, такой взгляд сформировался не без влияния известного ответа М. М. Бахтина на вопрос редакции журнала *Новый мир*, где ученый, говоря о “высоких научных традициях, выработанных [...] в советскую эпоху”, назвал в первую очередь формалистов: “Тынянова, Томашевского, Эйхенбаума” (1979: 328). Абстрагируясь от крайностей в суждениях о близости Бахтина к формалистам, можно сказать, что два этих ярких феномена в истории науки находились на весьма ощутимой дистанции друг от друга и теперь как бы представляют молодым поколениям западных филологов широту спектра поисков, характерных для русского литературоведения двадцатого века.

С методологической точки зрения, очень плодотворным является сопоставление близких по времени и пересекающихся по гносеологическим устремлениям взглядов разных ученых, каждый из которых уже занял свое, заслуженное место в новой и новейшей истории филологической мысли. Так, думается, несомненный интерес может представить сравнительный анализ двух серьезных подходов к построению научной поэтики, заявленных и предложенных в трудах М. М. Бахтина и Г. О. Винокура.

Первое сопоставление этих двух крупных имен может, на первый взгляд, показаться довольно неожиданным. Хотя оба ученых начали свою активную научную деятельность примерно в одно и то же время и на протяжении ряда лет были в прямом смысле слова современниками, можно с большой долей уверенности утверждать, что они не знали трудов друг друга. Г. О. Винокур в своих книгах, статьях, рецензиях ни разу не упоминает имени М. М. Бахтина, равно как и последний в известных работах не проявляет признаков знакомства с сочинениями Г. О. Винокура. Даже в книге П. Н. Медведева *Формальный метод в литературоведении* мы встречаем имена и “коренных формалистов” и “попутчиков” (В. М. Жирмунского, В. В. Виноградова), но ни имя, ни труды Г. О. Винокура не упоминаются ни разу.

Упоминание о книге П. Н. Медведева требует, по-видимому, оговорок. В новейшем литературоведении распространены различные точки зрения на проблему авторства нескольких книг, на титульных листах которых значатся имена авторов из круга М. М. Бахтина – П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова. Одни исследователи безоговорочно считают работы, подписанные П. Н. Медведевым и В. Н. Волошиновым, трудами М. М. Бахтина (Иванов 1973; Hansen-Löve 1978: 595, 604; Todorov 1981, 1987). Об авторстве Бахтина недвусмысленно пишет сын П. Н. Медведева (Медведев 1992). То же мнение

можно встретить и в новейших публикациях, где П. Н. Медведев представлен как “соратник Бахтина еще по Невелю и Витебску, человек, рискнувший опубликовать работы арестованного Бахтина под своим именем (с согласия автора)” (Кузнецов 1995: 226-227).

Другие литературоведы считают Медведева и Волошинова самостоятельными авторами, находившимися, однако, под сильным влиянием Бахтина (Steiner 1984; Morson and Emerson 1989: 31-49). Майкл Холквист и Дейвид Лодж полагают, что Бахтин сыграл главную роль в создании книг *Формальный метод в литературоведении* и *Марксизм и философия языка*, тогда как участие Медведева и Волошинова было там весьма ограниченным (Holquist 1990: XXXII-XXXIII; Lodge 1990: 2). Любой из вышеизложенных взглядов – как бы они ни разнились между собою – позволяет воспринимать книгу *Формальный метод в литературоведении*, по крайней мере, как реализацию идей М. М. Бахтина.¹

Словом, два современника, как это ни странно, не заметили один другого на общем поле филологических поисков, и их живой научный диалог, к великому сожалению, не состоялся. Этот факт, по-видимому, и был главной причиной того, что имена двух ученых почти никогда не ставились в один ряд. Такая тенденция, увы, пережила обоих исследователей, и вплоть до нашего времени среди историков литературоведения сохранилась традиция не обращаться к сопоставлению теоретических воззрений Бахтина и Винокура. Перекочевала она со временем и в западную науку о литературе. Автор первой на Западе и широко известной книги о русском формализме Виктор Эрлих писал свою монографию тогда, когда основные теоретические труды Бахтина еще не были опубликованы; посему В. Эрлих и не включил идеи Бахтина в круг своих интересов, о чем сожалел в предисловии к одному из поздних американских изданий *Русского формализма* (1981: 10). Имя Г. О. Винокура ни разу не упоминается в тех книгах о Бахтине, где, казалось бы, без такой ассоциации никак было не обойтись (Patterson 1988; Reid 1990).

Приятные исключения из этого “правила” находим в работах видного специалиста по лингвостилистике В. П. Григорьева, который декларировал необходимость такого сопоставления, полагая, что “оппозиция Винокур – Бахтин” не вполне очевидна, тогда как она представляет несомненный научный интерес (1979: 122), а также в отдельных замечаниях Роберта Буша (Busch 1990) и Нины Перлиной (Perlina 1988).

Возможно, и в самом деле “оппозиция Бахтин – Винокур” не бросается в глаза, но в общем контексте развития филологической науки в 1920–1930-е годы их методологические и теоретические искания если и не соприкасались в полной мере, то уж, как минимум, в

некоторых аспектах пересекались. Наиболее интересными в этой связи представляются их подходы к созданию “научной поэтики”.

Как известно, организационно Г. Винокур входил в Московский лингвистический кружок, общемонологические позиции которого (с выходами за пределы узко понимаемого языкознания) представляли одну из ветвей русской формальной школы. Что же касается М. Бахтина, то он довольно резко – разумеется, в рамках научной полемики – выступал против методологических постулатов и многих идей русского формализма. Как справедливо замечает К. Эмерсон, “для формалистов сама концепция ‘поэтики’ подразумевала относительную автономию искусства от жизни, а в противоположность им Бахтин воинствующе защищал связь искусства с жизнью” (Emerson 1988: 504). Но, несмотря на принципиально различные отправные моменты и несхожесть методологических позиций двух исследователей, есть в их взглядах и неоспоримая существенная общность, дающая веские основания для сопоставительного анализа.

В первую очередь заметим, что оба ученых в своих трудах протестовали против традиционного и живучего смешения двух различных понятий: *литературоведение* и *литературная критика*.² Г. Винокур, как почти все видные русские формалисты, время от времени публиковал свои критические статьи в периодике, например – в недолго просуществовавшем, но оставившем яркий след в русской журналистике *Русском современнике* (1924 г.). В 1925 году он убежденно писал о том, что “ученый не может не быть критиком, если хочет верно понять то, что ему надлежит понять” (Винокур 1990: 43). Однако при всем при том он четко дифференцировал эти два разных вида творческой деятельности. “У нас безнадежно путают понятия ‘критики’ и ‘науки’”, – писал он еще в 1920 году, подчеркивая, что задача критика – *оценивать*, тогда как задача ученого – *изучать* (Винокур 1990: 9). Позднее, протестуя против засилья в науке эмпиризма, допустимого разве что в критике, Г. Винокур утверждал, что главная задача литературоведческой методологии “выделить предмет из эмпирического сора, а не преподносить эмпирию как принцип и высшую реальность” (1990: 73).

Неприятие эмпирического характера знания о литературе приводило молодого исследователя иногда к категорическим выводам, вроде такого:

Наша официальная история литературы не является по существу наукой, ибо не отвечает двум основным требованиям, предъявляемым всякой науке: она не имеет своего специфического предмета исследования и в связи с этим единого метода. (1990: 56)

Пафос этих высказываний отчасти близок к позициям М. Бахтина, который и в 1920-е годы подчеркивал системно-научный характер серьезного исследования литературного текста, а на закате жизни, отвечая на вопрос редакции *Нового мира* о состоянии литературоведения, определял собственно *научные* задачи этой области деятельности. Не будучи “спецификатором” по своим научным устремлениям, он, однако же, тяготел к системности в любой классификации, пытаясь уже в ранних своих работах сохранить, выражаясь словами одного из его современников и большого поэта, “принцип единства в вихре перемен и безостановочном потоке явлений” (Мандельштам 1987: 55).

Интересно проследить, как оба ученых определяют главный объект литературоведческого исследования. В одной из своих ранних статей Г. О. Винокур утверждал, что “наука о литературе изучает *самое литературу*, а не нечто иное; [...] исследователь художественного произведения имеет своим предметом *структуру* этого произведения, а не моменты, созданию этой структуры содействующие” (1990: 23). В таком заявлении слышна полемика с некоторыми предшественниками и современниками, в частности, с адептами культурно-исторической школы. В более поздних трудах он снова и снова акцентировал это положение, хотя и не в столь острополюемической форме.

Аналогичные замечания содержатся в работе М. М. Бахтина ‘Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках’. Приведем одну выдержку из нее:

Текст (письменный и устный) как первичная данность всех этих дисциплин и вообще всего гуманитарно-филологического мышления [...] Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления. (1986: 473)

Текст, то есть само художественное произведение объявляется главным объектом исследования, а в ходе предпринятого исследования во главу угла ставится изучение отношений, существующих между текстами, равно как и внутри текста (Бахтин называет эти отношения *диалогическими*). Собственно система отношений внутри текста и представляет собою его *структуру*, на первейшую важность познания и описания упомянутой категории без всяких экивоков указывают примерно в одно и то же время оба филолога.

Проявляя специальный, едва ли не первостепенный интерес к проблемам языка художественной литературы, и Бахтин, и Винокур не склонны были сводить весь набор функций языка литературы к решению исключительно коммуникативных задач. “Эстетика словес-

ного творчества” была для каждого из них важнейшим предметом рассмотрения. Не случайно оба они – пусть, правда, в разных терминах и выражениях – подчеркивали значение “теории искусства” (теоретического искусствознания) для решения чисто филологических задач. Эстетико-аксиологическая функция языка литературы не просто подчеркивается ими, но и изучается. Как справедливо заметил новейший комментатор, “внимание Винокура к аксиологическому аспекту знака ставит его в один ряд с такими философами, как Шпет или Бахтин” (Шапир 1990: 288).

Для довольно широкого круга одаренных литературоведов, вступивших в науку накануне или сразу после Первой мировой войны (и не только в России), особый интерес представляла имманентная природа художественного текста. М. Бахтин и Г. Винокур, несомненно, входили в тот круг, хотя нужно сказать, что ни тот, ни другой не абсолютизировали этой имманентности. Тем не менее вопросы композиции, конструкции (структуры) литературного произведения были в центре профессиональных интересов обоих ученых.

“Объектом поэтики, – с категорической определенностью утверждается в книге *Формальный метод в литературоведении*, – должна быть конструкция художественного произведения” (Медведев 1928: 141). Это замечание наверняка не могло бы вызвать негативной реакции даже у самых ортодоксальных формалистов как из числа опоязовцев, так и членов Московского лингвистического кружка. Более того, если заменить в процитированной фразе слово “конструкция” на контекстуально-синонимическое “структура”, то мы услышим полное созвучие с обсуждавшимся несколько выше тезисом Г. Винокура.

Как и М. Бахтин, Г. Винокур высказывал возражения против терминологического определения “формальный метод” (1990: 306). Но дело, разумеется, не только и не столько в терминологии. Иногда сами по себе термины не играют доминирующей роли в теоретических построениях; более важны их структурно-смысловые соотношения, и тут становятся достаточно очевидными существенные расхождения во взглядах между Г. Винокуром и М. Бахтиным.

Для Г. О. Винокура с его удивительной лингвистической интуицией каждое высказывание представляет собою объект для аналитического рассмотрения.

Поэтическое творчество – есть работа над словом уже не как над знаком только, а как над вещью, обладающей собственной конструкцией. (Винокур 1990: 27)

Соответственно такая конструкция представляет специальный интерес для исследователя поэтического языка.

Для М. М. Бахтина высказывание является прежде всего выражением эстетической активности, которая сама по себе есть процесс. Полагая, что в любой области идеологического творчества возможно только структурное (в терминологии ученого – “композиционное”) завершение высказывания, он в то же время был убежден, что “подлинное тематическое завершение его” невозможно (Медведев 1928: 176). Уже здесь нетрудно заметить существенное отличие позиций М. Бахтина от формалистской методологии: по его мнению, тематическая сущность и тематическое своеобразие высказывания отнюдь не обеспечиваются исключительно внутренней организацией всего высказывания в целом и его элементов.

Важнейшей приметой научных трудов русских формалистов была четкая дифференциация между терминами “сюжет” и “фабула”; в этом отношении работы Г. О. Винокура, посвященные вопросам композиции поэтических произведений, по сути, не составляют исключения. Он мог сравнительно редко пользоваться понятием “фабула” и при этом точно различать те две последовательности событий, которые знаменитый психолог и один из самых тонких знатоков русского формализма Л. С. Выготский очень точно определил как “диспозицию” и “композицию” (1968: 194-197). Что же касается М. Бахтина, то и он не прошел мимо вопроса о соотношении этих двух категорий, хотя и отвечал на него явно по-своему, анализируя оппозицию “фабула/сюжет” достаточно абстрактно.

“Фабула (там, где она есть), – читаем мы в книге *Формальный метод в литературоведении*, – характеризует жанр с точки зрения его тематической ориентации в действительности. Сюжет характеризует то же самое, но с точки зрения реальной действительности жанра в процессе его социального осуществления” (Медведев 1928: 187). Сам по себе категориальный аппарат процитированного суждения, не говоря уже о способной смутить современного читателя оговорке “там, где она [фабула – М.С.] есть”, свидетельствует о значительной отдаленности этих рассуждений автора полемической книги от собственно *литературоведческой* проблематики.

М. М. Бахтин как будто перевел разговор в иную гносеологическую плоскость – плоскость общей эстетики –, тем самым уйдя от возможных, а скорее неизбежных пересечений с оспариваемыми им концепциями виднейших формалистов. Если же воспринять то же самое суждение как чисто литературоведческое, то ему, пожалуй, можно предъявить претензии в недостаточной выверенности определений.

Главным пунктом расхождений во взглядах М. Бахтина и Г. Винокура можно считать их абсолютно разное отношение к лингвистике и поллярное, по сути, понимание роли лингвистики в создании “научной поэтики”. Поскольку язык представляет собой “материал поэзии”, Г. О. Винокур, подобно другим русским формалистам, особое внимание обращал по преимуществу на теорию и историю языка художественной литературы. Склонный на заре своей научной деятельности к некоторым крайностям, он определял отношение истории литературы к лингвистике как соотношение части и целого; все литературоведение, включающее теорию и историю литературы, интерпретировал он как “поэтическое языкознание”. “Спайка” языкознания и поэтики, по мысли раннего Винокура, “дело, конечно, не легкое, но насущно необходимое” (1990: 13-14). В теоретических работах последующих лет ученый уже не допускал столь категорических утверждений, однако сама идея “поэтического языкознания” или “лингвистической поэтики”³ продолжала присутствовать в его научных поисках.

В вопросе о роли лингвистики в построении научной поэтики М. М. Бахтин занимал совершенно иную, фактически противоположную позицию. В одной из ранних своих работ ‘Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве’ (1924 г.) он полемизировал с формалистами, а также с В. М. Жирмунским и В. В. Виноградовым как раз по поводу отношения поэтики к лингвистике. С точки зрения М. М. Бахтина, совершенно неправомерным является то направление поисков, при котором “*поэтика прижимается вплотную к лингвистике*, боясь отступить от нее дальше чем на один шаг”, тогда как лингвистика для историка литературы не более чем “подсобная дисциплина” (1986: 30). Позднее выдающийся филолог отошел от крайностей в определениях, но тем не менее все же продолжал проявлять свою “антилингвистическую” ориентацию.

Конечно же, такая ориентация проявилась с особой силой в том труде, где полемика с формалистами была главной целью. Именно в том контексте была высказана “неудовлетворенность” лингвистикой, ее “односторонним монологизмом” (Медведев 1928: 130). Разумеется, с позиций новейших рубежей лингвистической науки можно сколько угодно иронизировать над подобными оценочными суждениями, хотя вряд ли такое иронизирование будет плодотворным. Выглядящие, скажем, занято в изоляции от контекста, некоторые мысли раннего М. М. Бахтина приобретают значительность и даже философичность, если воспринимать их непременно в контексте всей эволюции бахтинских идей и творчества. В полемике с иной крайностью – абсолютной ориентацией на лингвистику и только на лингвистику

– оттачивалась одна из краеугольных концепций в филологических, культурологических и философских построениях М. М. Бахтина – концепция “диалогичности”, не нуждающаяся сегодня ни в дополнительной популяризации, ни в апологии.

Спустя семь десятилетий после их публикации трудно принять утверждения Бахтина-Медведева, вроде того что “язык, понятый как совокупность или система лингвистических возможностей – фонетических, грамматических, словарных – менее всего является материалом поэзии” (Медведев 1928: 166). Между тем понять природу и генезис такого рода замечаний вполне возможно. Они родились в полемике с мыслями о сведении поэтики к размерам и функциям одного из разделов лингвистики, прозвучавших, например, в ранних поэтологических студиях Р. О. Якобсона. Только с учетом динамического взаимодействия разных, порой полярных точек зрения можно осознать причины так называемого “лингвистического редуccionизма” и скептического отношения к возможностям лингвистики у М. М. Бахтина и некоторых других крупных филологов.⁴

Вчитываясь в тексты некоторых рецензий Г. О. Винокура на труды его замечательных современников (Р. О. Якобсона, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума и других) посвященные проблемам поэтики, нетрудно заметить, что вдумчивый рецензент был весьма далек от апологетики современного ему состояния не только поэтики, но и языкознания. Однако вряд ли можно предположить, что Г. Винокур или его соратники по Московскому лингвистическому кружку могли бы подписаться под упреками, вроде следующего:

Только когда лингвистика овладеет своим предметом вполне и со всею методическою чистотою [? – М.С.], она сможет продуктивно работать и для эстетики словесного творчества [...]; до того времени “поэтический язык”, “образ”, “понятие”, “суждение” и т. п. термины для нее являются большим соблазном и большой опасностью. (Бахтин 1986: 64)

Если бы полемика М. Бахтина с формалистами из односторонней могла бы превратиться в “диалогическую” (а это стало в свое время невозможным и из-за драматических перипетий в судьбе М. Бахтина, и из-за фактического запрета и изживания из науки формального метода), такие высказывания могли бы, наверное, стать очень уязвимым местом в логике рассуждений их автора.

Однако со временем, когда несколько поулеглись полемические страсти, стало совершенно ясно, что если в книге Бахтина-Медведева ключевой категорией является “социальная оценка”, а язык (как материал поэзии) трактуется как “система социальных оценок” (Медве-

дев 1928: 167), то происходит это не от непонимания специфических задач языкознания, – в общем-то М. Бахтина эти вопросы вплотную не занимали – а скорее от перенесения проблем “научной поэтики” в сферу общей эстетики, к которой на протяжении всей своей творческой эволюции тяготел выдающийся ученый.

Сопоставляя созданные примерно в одно время труды Г. Винокура и М. Бахтина, можно было бы найти на фоне несомненной общности или близости в понимании ряда научных задач немало частных расхождений по разным конкретным вопросам филологической науки. Но более важно, думается, определить главное расхождение двух крупных исследователей в подходе к созданию “научной поэтики”; понимание природы этого расхождения может оказаться полезным для дальнейших поисков в области методологии литературоведческой науки.

Г. О. Винокур, ставя задачу создания “научной поэтики”, пытался преодолеть эмпирический характер литературоведческого знания в границах широко понимаемой филологической науки. Говоря языком современного науковедения, ученый рассуждал о новой научной дисциплине в рамках существующей, хоть и страдающей, быть может, чрезмерным эмпиризмом, науки. Еще в ранней своей книге он настаивал на том, что “только конкретное изучение всякий раз отдельно взятого факта в широком и предельном его филологическом истолковании, может дать нам точный ответ на вопрос, дефектно ли данное изложение или же оно только кажется нам таким” (Винокур 1991: 94).

Что же касается М. М. Бахтина, он стремился решить аналогичную большую задачу, но в собственных научных построениях помещал научную поэтику (как, впрочем, и литературоведение в целом) не в рамки филологии с ее задачами и методами, а в более широкий контекст общей эстетики. Считая, что научная поэтика обязательно должна базироваться на “систематико-философской эстетике”, М. Бахтин формулировал одну из важнейших задач эстетики: “[...] найти подход к эстетизованным философам, *создать теорию интуитивной философии на основе теории искусства*” (1986: 51).

Таким образом, научная поэтика выводилась из сферы филологической науки и переносилась в плоскость “интуитивной философии”, требующей, конечно же, совершенно другого категориального аппарата и другого набора операционных возможностей. О правомерности такого рода перенесения можно было бы полемизировать; но спор этот в свое время так и не состоялся, а спустя много лет перестал выглядеть столь обязательным и злободневным.

В наше время можно только предполагать, каков мог бы быть характер полемики между М. М. Бахтиным и Г. О. Винокуром, либо

шире – между М. М. Бахтиным и формалистами,⁵ если б она состоялась в действительности. Как очень точно заметил М. Л. Гаспаров, ирония судьбы М. М. Бахтина состояла в том, что он мыслил в диалоге с двадцатыми годами, а публиковаться, читаться и изучаться стал много позже, когда его собственные оппоненты “уже покинули сцену”, а вокруг него были незнакомцы (Гаспаров 1979: 51). Г. О. Винокур был одним из современников, чья активная полемика с М. М. Бахтиным могла бы стать исключительно актуальной для своего времени и весьма полезной для дальнейшего развития филологической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. специальное обсуждение затронутого вопроса об авторстве (*Forum* 1986: 81-102).
- ² Довольно “свежим” примером такого смешения может служить название, которые составители и издатели дали тому *литературоведческих работ* ученого (Бахтин 1986).
- ³ Современник Г. О. Винокура и М. М. Бахтина В. М. Жирмунский употреблял сходную формулировку – “поэтическая лингвистика” (Жирмунский 1972).
- ⁴ См. интересные замечания Т. Г. Винокур (1991: 32-34).
- ⁵ Интересны в этой связи наблюдения Цветана Тодорова над различиями в научных подходах Бахтина и формалистов к художественному тексту (Todorov 1981: 36-41).

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин, М. М.
1979 *Эстетика словесного творчества*. Москва.
1986 *Литературно-критические статьи*. Москва.
- Винокур, Г. О.
1990 *Филологические исследования. Лингвистика и поэтика*. Москва.
1991 *О языке художественной литературы*. Москва.
- Винокур, Т. Г.
1991 Комментарии, в: Г. О. Винокур, *О языке художественной литературы*. Москва.

-
- Выготский, Л. С.
1968 *Психология искусства*. Москва.
- Гаспаров, М. Л.
1979 'М. М. Бахтин в русской культуре XX в.'. *Вторичные моделирующие системы*. Тарту.
- Григорьев, В. П.
1979 *Поэтика слова*. Москва.
- Жирмунский, В. М.
1972 *Теория литературы. Поэтика. Стилистика*. Ленинград.
- Иванов, В. В.
1973 'Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики'. *Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по знаковым системам*, 6.
- Кузнецов, А.
1995 'М. М. Бахтин серьезный и "несерьезный"'. *Новый мир*, 1.
- Мандельштам, О.
1987 *Слово и культура*. Москва.
- Медведев, П. Н.
1928 *Формальный метод в литературоведении*. Ленинград.
- Медведев, Ю. П.
1992 "Нас было много на челне...". *Диалог. Карнавал. Хронотоп*, вып. 1. Витебск.
- Шапир, М. И.
1990 Комментарии, в: Г. О. Винокур, *Филологические исследования. Лингвистика и поэтика*. Москва.
- Busch, Robert
1990 'Bakhtin's "Problemy tvorchestva Dostoevskogo" and V.V. Vinogradov's "O khudozhestvennoj proze" – A Dialogue Relationship'. *Discours Social/Social Discourse: The International Research Papers in Comparative Literature* 3, No. 1-2.
- Emerson, Caryl
1988 'Problems with Baxtin's Poetics'. *Slavic and East European Journal*, Vol. 32, No. 4 (Winter).
- Erlich, V.
1981 *Russian Formalism*. New Haven.
- Forum
1986 *Slavic and East European Journal*, Vol. 30 (Spring).
- Hansen-Löve, Aage A.
1978 *Der russische Formalismus. Methodologische Rekonstruktion seiner Entwicklung aus dem Prinzip der Verfremdung*. Wien.
- Holquist, Michael
1990 Introduction. *M.M. Bakhtin. Art and Answerability* (Ed. by Michael Holquist and Vadim Liapunov). Austin.

-
- Lodge, David
1990 *After Bakhtin. Essays in Fiction and Criticism*. London/New York.
- Morson, Gary Saul
1978 'The Heresiarch of Meta'. *PTL*, 3.
- Morson, Gary Saul, Emerson, Caryl (Eds.)
1989 *Rethinking Bakhtin. Extensions and Challenges*. Evanston, Ill.
- Patterson, David
1988 *Literature and Spirit: Essays on Bakhtin and his Contemporaries*. Lexington, Ky.
- Perlina, Nina
1988 'A Dialogue in Dialogue. The Bakhtin-Vinogradov Exchange'. *Slavic and East European Journal*, Vol. 32, No. 4 (Winter).
- Reid, Allan
1990 *Literature as Communication and Cognition in Bakhtin and Lotman*. New York.
- Steiner, Peter
1984 *Russian Formalism*. London, Ithaca.
- Todorov, Tzvetan
1981 *Mikhail Bakhtine. Le principe dialogique*. Paris.
1987 *Literature and its Theorists. A Personal View of XXth-Century Criticism*. Ithaca, New York.